

УШКУЙНИКИ

АЛЬМАНАХ

ПЕТЕРБУРГ

1922

УШКУЙНИКИ

Нина Берберова, К. Вагинов,
Петр Волков, Н. Дмитриев,
Ида Наппельбаум, Фредерика
Наппельбаум, Ник. Радищев,
Анат. Столяров, Н. Тихонов.

ПЕТЕРБУРГ

1922

**Настоящее издание отпеча-
тано в 9-й Государственной
типографии в количестве
1000 экземпляров.**

«Р. В. Ц.» № 388.

О том, что вечером морозным
Шутила,—утром не солгу.
А чьих то лап следы, как звезды,
Распластанные на снегу.

Уйду. И пристяжные сонно
В постромках задрожат тугих.
Покачиваясь, накрененный
Заденут вехи край дуги.

Пока неровно будут гнуться
Оглобель черные стволы,
Я вспомню: там друзья смеются,
Все те же стулья и столы.

За дверью теплою и тяжелой
И пар, и дым, и голоса.
Да, непокорной и веселой
Была сегодня без конца.

Да, по утрам даю ответы,
Когда от солнца страшно мне,
И исполняю все обеты,
Осмеянные при огне.

Фредерика Наттельбаум

Покрылись берега высокими снегами,
А на Неве зеленый ледоход.
И ветер кружит снеговое пламя,
Слепит глаза и обжигает рот.

Опять, опять поет веселый голос
О радости, о вольности былой,
И снова мне дорогою веселой
Легко идти вот в этот белый зной.

Пусть дни текут мучительно печальны,
Пускай не радостна моя любовь,
Но веет ветер, веет голос дальний
И отойдет и возвратится вновь.

Вновь смычек упругий и холодный
Побежал певучею дорогой,
Снова, снова думаю сегодня,
Думаю о чуждом и далеком.
Я не знаю радости чудесней
Этим песням явственным не верить
И забытые всё слушать песни,
Что приносит из-за моря ветер.
Думаю сегодня о далеком,
Потому что здесь, в родной пустыне,
Стали скучны и ненужны строки,
Бывшие еще вчера моими.
Вспоминать напев чужой и дальний,
Забывая дорогие песни,—
Я не знаю радости печальней,
Я не знаю горести чудесней.

Плывут, мерцая, звездные круги
В серебряные стекла из тумана,
Я замедляю в темноте шаги,
Как будто нам еще расстаться рано.

Но вот дошли покорно до дверей,
В последний раз скрестились наши руки,
И стала старше я на много дней,
Что протекут в мучительной разлуке.

Но здесь для всех звучат часы одни,
Все те же стрелки движутся устало,
И в час прощанья прожитые дни
Проходят снова медленно и вяло.

I.

На мшистых стенах плющ, как щит;
Преданье, словно день вчерашний.
Полуразрушенные башни
Уныло высятся в ночи.
Так далека и так понятна
Глухая скорбь заросших стен.
Горят алеющие пятна
В кровавом дыме перемен.
Под гул снарядных песнопений
Их миновали смены лет,
Участники ночных сражений,
Вершители ночных побед.
Туман клубится над рекой
Все трепетней, все богомольней.
Скрип деревянной колокольни,
Колоколов протяжный вой.

Осенний ветер муть колышет;
Вечеровая пляшет мгла,
И ухо стоны ловит, слышит
Забывшие колокола.
Другие стоны. Ночь другая.
Горят походные костры:
Дружинников немая стая
И воеводские шатры.
Вокруг пугающая мгла:
За крепостной стеной могила,
И в сердце робкое вонзилась
Змеей татарская стрела.
Слабей кольчуг, мечей бряцанье,
Когда полночный час пробьет,
Когда тревожнее молчанья
В земле воткнутое копье.
И в погребальном ветровое
Под всхлипы гнущихся ракет
Отпет другой — пронзенный воин
Стрелой сжигающей тоски.
Все тяжелее боль утрат,
Полночный час с церковей оплакан.

В броне клубящегося мрака
Погиб и ты—безвестный брат.
Не все-ль равно, чьи стрелы ранят:
Врагов, глумящихся очей,
Влюби в октябрьском тумане
Дружинника глухих ночей.
Давно все в городе уснули,
В домах погашены огни...
Дружинный разметелся улей,
Растаяли былые дни.
Еще угрюмой ночь легла,
Дождем, туманом, мглою дышет
И ветер бешено колышет
Оглохшие колокола.

II.

Медлительная смерть расскажет
Мою последнюю главу.
И ночь, и день злодейка вяжет
Воспоминальную канву.
И мыслей вспугнутая стая
Рассыпалась по пряже дней,

И в бедной памяти всплывают
Лукавства Божьих дочерей.
Припоминаю пьянства, встречи—
Их неразрывное родство,—
В годах—пылающие свечи—
Ночей хмельное озорство. .
Чадней, угарней, нестерпимей
В рассветах хилого утра,
Клубится жизнь в сигарном дыме
В несущиеся вечера.
Сереющая нить порвется:
Не кончен путанный узор,
И сердце глухо, злобно бьется,
Как после надоевших ссор.
Ну, что-ж! остатки дней коверкай:
В ночах скользит пьянящий страх,
Как золотая табакерка
В иссохших старческих руках.

Над золотыми куполами,
Лети, лети!—твой путь далек,
Тысячецветными крылами
Закрывший небо мотылек.

А мы вдвоем в лесу. Любовно
Всё оглядим, всё обойдем
И долго розовые бревна
Морозным рубим топором.

Трещат суки. Веревкой валим
Сухие сосны в тихий снег.
Каким судьбам, каким печалям
Вот этой жизни нужен бег?

О счастья думать бы, о вере,
Но, верно, старый путь забыт,
И церковь, знаешь, это—череп
Среди горящих свеч лежит.

Все позабыли, осмеяли,
Перепоганили,—и вот
В ручье серебряном в печали
К еще не бывшим смерть идет.

И плотно окна занавесить.
Нам в этой жизни суждено,
Чтоб даже светлой ночью месяц
В пустое не глядел окно.

И горят огни во храме,
Золотой на синем крест.
Дремлет первыми звездами
Тишина окружающих мест.
Не боюсь я этой встречи,
Я иду к тебе, иду
Слушать ласковые речи
В облетающем саду.
Помнишь: из под борта пена,
Словно медный грош, луна,
Выла дальняя сирена
И душа была полна.
Где же ты теперь? Далеко-ль?
Цокрываются глаза
Чешую теплых стекол,
Снова старый друг, слеза.
В небе чудными звездами,
На простой земле кострами.
Разожгу и разолью
Душу бедную мою.

К ДУШЕ.

И в пену синих крыш уже заходит солнце,
И черный голубь спит, трубою вознесён,
Цветет мой тихий сад, горит мое оконце,
Умолк вечерний звон, нетерпеливый звон.

Чего-ж тебе еще, что хочешь ты, что свищешь?
Пустая—что шумишь? надменная—что ждёшь?
Каких еще забот, каких тревог ты ищешь?
Кому еще верна? За кем еще идешь?

Не слушай музыки, не думай что светло,
То ветер ледяной в пустые стены хлещет,
То солнце черное, как антрацит, взошло
Над мерзлым городом и ложным светом блещет.

ВОЙНА.

В собачьем экспрессе везли храбрецов,
А потом они в горы ушли—
И дети выросли без отцов,
Жены—новых мужей нашли.

Через сорок лет вернулся один,
Рассказать, отчего он сед—
Журналисты с ним пили бенедиктин,
И писал о нем стихи—поэт.

И никак не могли от него допытать,
Победитель он иль беглец—
Однажды он начал рака глотать,
Подавился и умер наконец.

Раздели—и не нашли креста
На шее у него,—за то
Черный горилла угрюмо встал
На его животе пустом.

А через зиму началась война,
И с юга хлынул враг—
На его знаменах увидела страна:
Черный гориллий кулак.

И никто не знал, какая связь
Меж тем стариком и войной,
И только щурил гориллий князь
Глаза с зеленой слюной.

СЕВЕР.

Кричат моржи и гагары,
Ветер окна чистит песком,
На пороге—гарпунщик старый
С металлическим пояском.
Блестят чужие кастрюли
С разбитых норвежских шкун,
Колдуном отлитые пули
И ручной медвеженок игрун.
Он прямо шагнул из саги
К королю гарпунных морей,
И по жилам—пламень отваги
Бежит оленя быстрей.
О полярном поет походе
Залетевшая в память звезда,
И в глазах опьяненных бродит
Золотое марево льда.

РАНЕННЫЙ.

Дрожащий не от боли, от испуга,
Безжизненную ногу волоча,
Снимал он под сочувственную ругань
Свою рубаху с потного плеча.
Угрюмый фельдшер равнодушно слушал,
Как бинт шуршал, и губы кверху гнул—
И он пошел—и уносили уши
Мелькнувшей смерти колокольный гул.
И там, где рана,—колыхалось пламя
И ребра зверь неустающий грыз,
И гулками зелеными руками
Казались ветви, падавшие вниз.
Все закружилось в нестерпимом свете,
И не понять то ветер или стон—
Деревья, как танцующие плети,
Смеясь бьют его со всех сторон.
... Двуколка прыгала в ночной прохладе,
Шумя бежала черная страна,
И он в поту, неудержимо падал
На камни дна, не достигая дна.

ЗЕМЛЯ.

Соловей—душегубец с дуба,
Алешка—молебный сын,
Ловко, ловко пляшут под бубен,
Под гармоники слезный клич.
В сарафанах идут русалки
Слушать Китежа донный звон,
А за балкой, с ольховой палкой
Старикашка в дугу согбен.
Он медвежью ласкает силу,
Колыхается, как свеча,
И лохмотья плечо носило,
И томила его парча.
То не гром загудел далече,
То не вихорь дубы разбил,
То Илья задремавший с печи
Лапоть липовый уронил.

ОГОНЬ.

Посвящ. Анат. Столярову.

В круглой печке поселился Дьявол.
От морозов охраняя дом,
Целый день виляет влево и направо
Юрким желто-голубым хвостом.

Золотые, золотые звенья,
Из щелей вонючий дым ползет,
Пережевывает медленно поленья
Раскаленный темнокрасный рот.

А к ночи погаснет круглый ящик,
Дьявол с дымом уползет в трубу,
Пока ворох дров с лучиною горящей
Не вложу в квадратную губу.

Чтобы тайн его никто не выдал,
Поселил он в круглой печке страх,
И стоит она, как древне-русский идол,
Замурованный в глухих стенах.

Угловатым ртом зевая дремлет,
Но пророчит людям звездочет,
Что когда-нибудь лукавящую землю
Красный Дьявол вырвавшись пожрет.

СИБИРСКАЯ ПЕСНЯ.

Нет морей глубиннее Байкала,
Велика Сибирская тайга!
Нас с тюрьмой навеки обвенчала
Обручила цепью в рудниках.

Ой, ты воля-волюшка, не кыкай,
Не зови колодника бежать,
Во глухой веже вороны с криком
Будут косточки мои клевать.

АЭРОПЛАН.

Точно ящер на ногах-колесах
Попирает серебристый снег,
По утрам ползет в груди белесой
С четырьмя глазами человек.
Тяжело дыша, как грузный камень,
Сядет промеж полотняных плит,
И, ворча тяжелыми винтами,
К небесам чудовище взлетит.
Но внизу не спят. Высоко в тучах
Пуля птице сердце перебьет,
Упадет чудовище на кручи,
Крылья раздробив о мерзлый лед.
Разобьется об крутые склоны,
Вьюга заметет кровавый след,
И потом чрез сотни лет ученый
Выроет из под земли скелет.
И напишет толстый труд о звере,
О породе круглоногих птиц,
Но в груди всё так же будет череп
С черною отметиной от спиц.

Камин горит на площади огромной
И греет девушка свой побледневший лик.
Она бредет еврейкою бездомной,
И рядом с нею шествует старик.

Крутись, сырая ночь, в ее глазах восточных,
Старик, старик, куда ее ведешь?
Луна, как червь, мой подоконник точит,
Ужели завтра снова запоешь?

Сидит она торгуя на дороге,
Пройдет плевок, раскачивая котелком,
Я закурю махру, потряхивая ноги,
Глаза вздымая золотой волной.

И к странной девушке прижму свои ресницы,
И безобразную всю молодость свою,
И нас покроет синий звездный иней,
И стану девушкой, торгующей средь вьюг.

Опять у окон зов Мадагаскара,
Огромной птицей солнце вдаль летит,
Хожу один с зефиром у базара,
Смешно и страшно нам без солнца жить.

Как странен лёт протяжных стран Европы,
Как страшен стук огромных звезд,
Но по плечу меня прохожий хлопнул—
Худой, больной и желтый, как Христос.

Ида Нанпельбаум

Нет, так меня никто любить не будет,
Как он, мой верный, тихий друг,
Сквозь жизнь мою пройдут года и люди,
Узнаю ласки многих дерзких рук,
И разные глаза в мои войдут лучами,
Изранят зубы полулунья плеч;
А он, крестясь, их трогает губами,
И ласки тают воском тонких свеч.
Он отдал все, чем сердце пламенело,
А мне что дать взамен ему?
Свое тугое, медленное тело,
И спутанных волос густую тьму,
И молодость широкую, как небо,
И весь мой клад—мои стихи?
Но как бы ласков он и нежен не был,
Какая радость познавать грехи.
Но будет час, когда придет расплата,
И друга тихого поглотит мгла,
Тогда пойму, чем я была богата,
И что, беспутная, не берегла.

Посвящается С. К.

Помню детство свое без иконы,
Без молитвы и праздничных дней.
Вечера были так благовонны
Без пахучих субботних свечей.

Никогда не была в синагоге.
И в мечеть не входила босой,
Только жутко мечтала о Боге,
Утомившись тоскою ночной.

И теперь у меня нет святыни,
Не вхожу я на паперть церквей,
И веселый приход твой отныне
Стал единственной Пасхой моей.

Тягучие звуки консервной коробки—
Китайская скрипка в толкучке Сенной,
Китаец, китаец, смурывающий робко,
Скулит одножилой струной.
А с неба раскосое солнце глядело
В широкие скулы китайской тоски.
Девушка грудью упругой задела,
Упруго взглянула в зрачки.
— Пойду—и силою к узкому стану
— Прижму я развратное тело свое,
Пойду—и любовником стану,
Влюблюсь, как никто не влюблялся в нее.
Китаец, что стоит консервная скрипка?
У ног этой девушки я на заре
Сегодня играть буду с томной улыбкой:
„Красотки, красотки, красотки кабаре“...

Заиграла зорька рано
У тесовых у ворот,—
А Царевича-Ивана
Василиса уж не ждёт.
Драгоценный перстенечек,
Василисин перстенёк...
Уж тринадцатый денечек
Обручанию истёк.
Эх, ты, силушка, ты сила,
Богатырская рука!
Не тебя ль в груди растила
Ненасытная тоска?
Да куда-ж тебя-то, силу,
Богатырскую мне деть?
Знать, не мне, дружочку-милу
Ненаглядною владеть.
Поднимала в праздник рано
Ясна-зорька слободу,

И сходилися два стана
По заутрени на льду.
Разыгралась на морозе
По зажильям кровь жива,
И ударил шапкой о-земь,
Засучая рукава.
Василиса у светелки
Смотрит грустная с крыльца
Эх, тоска, пути-проселки
Проложи для молодца.
Гей, Царевичу дорогу,—
Клонит, ложит—пропусти.
Да подставил кто-то ногу
И запнулся на пути.
Получи-ка в лоб гостинцу
Да с размаху кистенем..
Знать не Ваньке по мизинцу
Василисин перстенок.
